

И. А. Тропов

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ В 1917–1920 ГОДЫ

Работа представлена кафедрой русской истории.

В статье рассматриваются основные причины, этапы и особенности формирования Советов в России в условиях революции и Гражданской войны. По-новому раскрыт характер деятельности Советов в 1917 году, критически осмыслена традиционная концепция «двоевластия». В статье также доказывается, что после октябрьского переворота Советы не являлись надежной политической опорой большевиков. Рассмотрены причины и основные методы воздействия большевистской власти на местные Советы с целью унификации советской системы и установления партийного контроля над ней.

Ключевые слова: Советы, исполком Советов, съезд Советов, двоевластие, Временное правительство, правительственные комиссары, большевизация Советов, большевики, партийный контроль.

I. Tropov

FEATURES OF OPERATION OF THE SOVIET SYSTEM IN RUSSIA IN 1917–1920

The article examines the main causes, stages and features of forming of the Soviets in Russia in the circumstances of the Revolution and the Civil War. The author reveals the character of the Soviets' activity in 1917 in a new fashion and interprets the traditional conception of the Diarchy critically. The article proves that after the October coup the Soviets were not a reliable political basis of the Bolsheviks. The article views the reasons and the main methods of influence of the Bolshevik power upon the local Soviets with the aim of unification of the Soviet system and establishment of party control over it.

Key words: Soviets, executive committee, congress of Soviets, diarchy, Provisional Government, government commissar, Bolsheviks, party control.

Начало становления системы Советов в центре и на местах относится к концу февраля – марту 1917 г. Причины возникновения Советов, их цели и политическую природу весьма точно охарактеризовал еще летом 1917 г. в одной из своих статей известный политический деятель, философ и экономист А. А. Богданов. Отмечая, что Советы есть «учреждение революционно-правовое, а не государственно-правовое», он пояснял, что они представляют собой «органы революционной борьбы, орудие движения революции...» [1, с. 344–345]. И сторонники, и противники Советов признавали в них особую форму проявления общинного характера русского народа, продукт «самобытного народного творчества» и в этом своем качестве Советы являлись близкими, понятными или, проще говоря, «своими» органами власти для него [9, с. 382].

Начальный этап в становлении советской системы (весна – лето 1917 г.) до сих пор рассматривается большинством ученых в русле концепции «двоевластия». Между тем говорить о двоевластии некорректно хотя бы потому, что на местах существовало гораздо больше центров, которые в той или иной мере осуществляли властные полномочия. Помимо правительственных комиссаров и Советов в начале марта 1917 г. стали формироваться общественные испол-

нительные комитеты, губернские, уездные и волостные продовольственные комитеты и даже фабрично-заводские временные революционные комитеты. Укрепились также позиции земств и городских дум, от которых либеральная интеллигенция ожидала превращения их «в правомерные органы государственного управления на местах» [2, с. 203]. Думается, в целом правы те историки, которые отмечают, что «претендентов на власть могло быть столько, сколько насчитывалось активных организаций и учреждений» [5, с. 10].

Итак, если не допускать механического переноса опыта Петрограда на всю страну, то следует признать, что Советы были одним из *многочисленных* инструментов выражения и реализации широкими социальными слоями своих интересов и ожиданий.

Чаще всего Советы принято противопоставлять органам «буржуазной» власти – Временному правительству. Безусловно, Советы создавались местным населением с целью *самим* закрепить, защитить достигнутое, обеспечить решение новых революционных задач, и действовали эти Советы автономно от правительственных учреждений. Но это еще не дает оснований для их безусловного противопоставления органам правительственной власти (Временному правительству в центре и его комиссарам на местах).

Дело здесь заключается не только в «соглашательском», эсеро-меньшевистском составе руководства Советов, выдвигавшем идею «условной» поддержки буржуазной власти. Сами Советы создавались не в пику Временному правительству и его местным представителям, а с целью придать организованность революционному движению, обеспечить условия, при которых будущее Учредительное собрание установит новый социально-экономический и государственный строй в интересах трудящегося населения. Так, например, полковой Совет 179-го запасного пехотного полка (Новгородская губерния) на одном из своих заседаний в апреле 1917 г. постановил: «широкую пропаганду демократических идей среди населения Новгородской губернии для подготовки к выборам в Учредительное собрание» и «в целях успеха пропаганды организовать Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов в Новгороде и привлечь к работе местные культурные силы: кооперативы, учителей и пр.» [21, с. 35–36]. О необходимости создания Совета с целью «объединения и направления борьбы рабочего класса до полного торжества интересов демократии» говорилось и в специальном обращении Нижегородского Временного Совета рабочих депутатов к населению города 2 марта 1917 г. [11, с. 44].

Своеобразной была и деятельность ряда Советов в начальный период их существования. Например, деятельность Нижегородского Совета рабочих депутатов весной 1917 г. «носила чисто профсоюзный, экономический характер», а сам Совет ни в коей мере «не являлся оппозицией» ни правительственным комиссарам, ни губернскому исполнительному комитету общественных организаций [18, с. 17]. Аналогичная ситуация сложилась в 1917 г. и во Владимирской губернии. Образовавшийся одним из первых (6 марта) Ковровский городской Совет рабочих депутатов наиболее активно занимался борьбой за экономические интересы рабочих, а его взаимоотношения с официальной местной властью были подчеркнуты корректными и деловыми. Порой это принимало совершенно анекдотичные формы. Например, 12 марта члены

Совета просили у губернского комиссара Временного правительства разрешения не больше не меньше как на «захват» (!) продовольственных грузов, проходящих через станцию Ковров в целях обеспечения продуктами голодающего населения [23, с. 27].

Становление советской системы происходило в целом весьма интенсивно. Только за одну неделю – с 27 февраля до 5 марта 1917 г. – Советы рабочих и солдатских депутатов возникли более чем в тридцати крупных городах России. К концу марта в провинции существовало 242 Совета рабочих депутатов [12, с. 668]. В дальнейшем продолжился рост численности Советов, возрастала территориальная сплоченность этих органов. Последнее было не в последнюю очередь связано с неустойчивым положением, слабостью Советов, заинтересованных в объединении своих сил. Не отрицая шедших «снизу» импульсов к объединению, отметим все же, что основным центром координации деятельности разветвленной советской системы был Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и Центральный исполнительный комитет (ЦИК) Советов. Думается, для столичных лидеров «революционной демократии» (меньшевиков и эсеров) это было средством укрепления своего положения в стране и важным «козырем» в ходе сложных взаимоотношений с официальной властью, т. е. с Временным правительством.

В конце лета – начале осени 1917 г. произошли серьезные перемены в расстановке общественно-политических сил в стране. Правительственные комиссары так и не превратились в полномочных представителей власти на местах. Они были перегружены выполнением разных, в том числе малозначительных дел, не имели прочной социальной и административной базы, на которую они могли бы опереться. На их положении и деятельности отрицательно сказывались также и царившая в то время неразбериха в правовой сфере, и неуклонно нараставшее движение народных «низов» за решение самых насущных социально-экономических и политических проблем. Иллюзией оказалась также идея «народного фронта», расколовшегося под воздействием нерешенных

Временным правительством проблем на лево-радикальный и центристский лагерь.

Известные под названием «корниловщины» события конца августа 1917 г. вызвали противоречивую реакцию в обществе. Хотя некоторые губернские комиссары докладывали в МВД, что после подавления корниловского мятежа происходило «объединение местных организаций вокруг комиссаров для проведения твердой политики и поддержки Правительства» [15, л. 21], это чаще всего не соответствовало действительности. Напротив, происходило усиление значения Советов: «Они приводили в боевую готовность воинские части, брали в свои руки средства связи, переподчиняли себе вооруженные силы на местах и энергично подавляли открытые очаги реакции» [5, с. 15]. Движение политически активной части населения «влево» в 1917 г. проявилось в росте популярности Советов и в их частичной большевизации. Известны случаи, когда Советы активно вмешивались в решение земельного вопроса и требовали выдачи им «всего лишнего оружия» [15, л. 30]. Получилось, что в один и тот же исторический момент соединились интересы двух активных субъектов тогдашней политической системы: нацеленные на захват власти большевики не могли не считаться с резко возросшим политическим весом Советов, а Советы (по крайней мере, их левое крыло), в свою очередь, нуждались в политической силе, готовой признать их исключительно большую роль в жизни страны не только в прошлом, а главное – в будущем. Благоприятным для такого «сближения» фактором стало откровенно настороженное и даже отрицательное отношение к советской модели управления со стороны ее бывших «патронов» в лице руководителей ЦИК [13, с. 29–30].

После свержения Временного правительства большевиками был провозглашен переход всей власти к Советам, однако ситуация на местах оставалась довольно сложной. В одном из отчетов наркомата внутренних дел (НКВД) говорилось, что в первые послереволюционные месяцы советская власть рассыпалась «на ряд как бы независимых друг от друга губернских, уездных и

даже волостных советских «республик»» [3, № 18–19, с. 21]. Это было непосредственно связано с теоретико-правовой неразработанностью вопроса о конструкции новой политической системы, со слабостью центральной большевистской власти, не способной контролировать ситуацию в «провинции» и, конечно, во многом такой «сепаратизм» стал возможен из-за разрыва традиционных экономических связей вследствие мировой войны и революции.

Далеко не все из имевшихся в октябре 1917 г. Советов рабочих и солдатских депутатов (а их насчитывалось 402) были большевизированными. Проведенное большевистской фракцией II Всероссийского съезда Советов анкетирование делегатов-большевиков позволило собрать данные всего по 123 Советам из сорока губерний России. Можно считать, что поскольку члены РСДРП(б) были выдвинуты делегатами на съезд, постольку большевистские фракции в местных Советах имели определенный политический вес. Но все же доля таких большевизированных Советов составляла менее трети от общего числа Советов в стране к концу октября 1917 г. Если же учесть не столько расклад партийных сил, сколько практическую деятельность этих органов, то окажется, что только 55 Советов из указанных 123 установили рабочий контроль над производством (это составляет менее 14% от общего числа Советов), 47 приняли меры по борьбе с безработицей (около 12%) и т. п. [7, с. 20–23]. Казавшийся ранее таким удачным альянс РСДРП(б) с Советами оборачивался далеко не в пользу большевиков: и существовали Советы не повсеместно, и революционными органами «диктатуры пролетариата» была лишь незначительная их часть. Довольно острой была также проблема «местничества» (сепаратизма) региональных Советов, которые «в ряде случаев не подчинялись распоряжениям вышестоящих органов или же исполняли только те декреты и постановления, которые им были выгодны» [6, с. 67].

Все это означает, что политическая опора большевистской власти на местах после Октября 1917 г. оказалась в действительности

сти намного более узкой, чем это предполагалось ими накануне вооруженного восстания. Учитывая это обстоятельство, а не просто следуя теоретическим стереотипам, руководство РСДРП(б) было вынуждено высказаться за раскрепощение энергии народных масс, поощряя повсеместное создание Советов в качестве самостоятельных органов власти на местах.

Результаты этого этапа стихийного и ускоренного советского строительства (осень 1917 – весна 1918 гг.) оказались весьма противоречивыми. Прежде всего, в дополнение к уже существовавшим Советам новые органы власти возникали в крупных губернских и уездных центрах. Более медленными темпами происходил процесс создания волостных и сельских Советов. Его серьезным ускорителем были городские рабочие, приезжавшие в деревни, а также демобилизованные солдаты. Именно по их инициативе и при их активном участии возникали низовые советские органы [16, с. 99–100]. Проводниками политики РКП(б) в этом вопросе выступали также делегаты II Всероссийского съезда Советов, отправленные с агитационно-пропагандистскими целями в провинцию, эмиссары ВЦИК, агитаторы Петроградского ВРК, а также руководящие работники большевизированных губернских Советов, опиравшиеся на местные военно-революционные комитеты и отряды Красной гвардии. Создание Советов одновременно и «снизу», усилиями революционных масс, и «сверху», под пристальным вниманием и руководством со стороны партийных органов, позволило обеспечить решительный и повсеместный прирост числа советских органов.

Всего к началу лета 1918 г. в РСФСР существовало около 12 тыс. областных, губернских, уездных и волостных Советов, не считая сельских и деревенских [3, № 23, с. 17]. Хотя наркомат внутренних дел пытался выработать рекомендации по организации структурных подразделений местных Советов, на практике эти рекомендации не соблюдались, что приводило «к разнобою в количестве, и в функциональной направленности структуры советских органов управле-

ния» [22, с. 21]. Это в целом верное замечание исследователя нуждается, все же, в некотором уточнении. Слабый контроль со стороны центральной власти приводил еще и к тому, что часть советских учреждений были нежизнеспособными, они не только не имели влияния на массы, но и фактически бездействовали. Так, согласно отчету Провинциального отдела Нижегородского губисполкома, из полутора десятков зарегистрированных им в губернии с октября по декабрь 1917 г. местных Советов «добрая половина, после проверки, оказалась несуществующей». По ироничному замечанию сотрудника этого отдела «Советы регистрировались или по слухам, или по вдохновению», проще говоря, речь шла о банальных приписках [14, с. 44].

С весны 1918 г. начался новый этап в истории местных органов политической власти. Новизна состояла в попытке преодолеть известную пестроту в структуре местной власти, унифицировать организационные основы властных структур в губерниях, уездах, волостях, селах и городах и, наконец, обеспечить руководство деятельностью Советов со стороны РКП(б).

Достигались эти цели различными способами. Во-первых, устранялся некоторый «параллелизм» в деятельности местных органов власти путем ликвидации земств и городских дум. Единственными полномочными органами на местах становились Советы. В этом решении меньше всего следует усматривать борьбу большевиков с «буржуазными» пережитками, хотя многие современники воспринимали это именно так. В одном из номеров официального издания НКВД специально подчеркивалось, что речь идет не о разрушении аппарата старых органов самоуправления, а лишь о его переподчинении Советам [3, № 7, с. 7–8]. Это наглядно проявилось, например, в изменении положения статистических отделов при губернских и уездных земствах и городских думах. Июньский (1918 г.) съезд статистиков назвал земско-городские статистические бюро «правильно организованными учреждениями на местах», которые могут стать основой нового статического органа [17, л. 414]. Согласно при-

нятому Совнаркомом 3 сентября 1918 г. постановлению было решено сохранить земский статистический аппарат, переименовав его в губернские и уездные статистические бюро при Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [19, ст. 729].

Во-вторых, была более строго регламентирована структура Советов. НКВД требовал четкого соблюдения установленных норм численности исполкомов: на губернском уровне – 25 чел., на уездном – 15 чел., на волостном – 5 чел. Для выяснения того, «насколько честно и добросовестно исполняют свои обязанности» депутаты, НКВД рекомендовал проводить пере выборы Советов каждые 3 месяца. При этом оговаривалось право избирателей на отзыв депутата ранее окончания срока его полномочий [3, № 10, с. 1, 12–14]. Кроме того, отдельным циркуляром НКВД определялась структура Отделов управления местных Советов, требовалось выделить в них подотделы в соответствии с утвержденным НКВД перечнем. В циркуляре прямо указывалось, что цель проводимых мероприятий состоит в создании такого исполнительного аппарата местной власти, который бы точно соответствовал «аппарату власти в центре» [3, № 11, с. 1].

В-третьих, были предприняты шаги, нацеленные на установление политического контроля над советскими органами со стороны большевиков. Причины установления такого контроля разнообразны. Как уже отмечалось выше, во многих случаях местные советские деятели не желали считаться с распоряжениями Совнаркома и ВЦИКа. Между тем, центральная власть стремилась иметь надежный и четко функционирующий местный аппарат, проводящий в жизнь ее распоряжения. Кроме того, эскалация Гражданской войны в 1918–1919 гг., все более широкое использование большевиками «чрезвычайных» мер на фоне крайне тяжелого экономического положения в стране вели к нарастанию недовольства, к росту социального протеста. В таких условиях перед партией большевиков возникла серьезная угроза превращения Советов из опоры власти в оппозиционные органы [9, с. 405]. В самом общем виде вопрос сводился

к тому, что борьба большевиков за установление контроля над Советами была связана с решением главной задачи – «удержанием власти в своих руках» [22, с. 27].

В борьбе за установление политического контроля над Советами большевики использовали комплекс самых разнообразных мер.

В сфере идеологии начался пересмотр теории «государства-коммуны», предполагавшей, что единственной властью в стране являются избираемые рабочими и крестьянами местные Советы, а политический «центр» лишь помогает им наладить управление, производство и распределение продуктов [8, т. 31, с. 353–354; т. 35, с. 66, 147–148, 195–205]. В выступлениях партийных и государственных лидеров происходило явное смещение акцентов с Советов на первостепенную роль РКП(б) в системе государственного управления. Уже в июле 1919 г. В. И. Ленин открыто провозгласил, что большевики твердо придерживаются принципа «диктатуры одной партии» [8, т. 39, с. 134]. Само по себе это не означало отрицания советской модели управления, а лишь ставило ее в зависимость от партийных органов.

В организационном плане в 1918–1920 гг. решалось несколько взаимосвязанных задач. Продолжилась разработка вопросов, связанных с унификацией структуры местных Советов, с определением их места в системе государственной власти и управления РСФСР. На основе принятого ЦК РКП(б) 30 марта 1918 г. решения началось повсеместное упразднение областных «совнаркомов». Губернским Советам было рекомендовано «непосредственно сноситься с Наркомвнуделом» [6, с. 134]. Согласно вышедшему в декабре 1918 г. постановлению Совета труда и обороны (СТО) любые распоряжения местных Советов, идущие вразрез с постановлениями центральной власти и препятствующие ее деятельности, подлежали отмене [10, с. 430].

Многие исследователи полагают, что задачи унификации и централизации советской системы в годы Гражданской войны и «военного коммунизма» были успешно решены большевиками. Думается все же, что это не так. Несмотря на поступавшие от централь-

ных органов директивы, структура местной власти оставалась довольно пестрой, существовал разнорядность в количестве и функциональной направленности отделов местных Советов. Все это, как в капле воды, отразилось в совершенно курьезной ситуации, сложившейся в Тульской губернии. Там до начала 1919 г. при губисполкоме не существовало отдела ЗАГС, «а потому регистрация актов гражданского состояния ... находилась в руках духовенства» [4, 1919, № 11, с. 28]. Пожалуй, в отношении очень многих регионов была бы справедливой характеристика состояния местной власти, касающаяся Витебской губернии (1919 г.), и выраженная в следующих словах: «...необычайное развитие канцелярщины и параллелизм различных органов» [4, 1919, № 10, с. 17].

В борьбе за придание местной власти большей управляемости и эффективности большевики стали уделять самое серьезное внимание партийным органам, стремясь поставить Советы под их контроль. Внутри Советов коммунистам, согласно Уставам партии, полагалось объединяться во фракции, которые должны были подчиняться исключительно партийным органам. Учитывая, что, во-первых, РСДРП(б)–РКП(б) превращалась в правящую партию, концентрировавшую материальные блага в своих руках, а во-вторых, ситуация на фронтах Гражданской войны на протяжении 1918–1920 гг. все больше и больше менялась в пользу «красных», нетрудно понять, что недостатка в желающих примкнуть к большевикам не было. Существовала и обратная зависимость: чем больше проходило времени после октябрьского переворота 1917 г., чем тверже и успешнее действовали лидеры РКП(б) в социально-экономической, политической и военной сферах, тем меньше было сторонников среди оппозиционных большевикам сил (меньшевиков, эсеров и др.).

Однако же для периода 1918–1920 гг. следует с очень большой осторожностью говорить о диктате большевистской партии над Советами. Более того, даже простой партийный контроль над многими местными органами власти был в эти годы весьма пробле-

матичен. Причин тому несколько. Прежде всего, еще не до конца оформившимися, либо крайне слабыми организационно были многие местные партийные структуры. Численность партийных рядов была подвержена огромным колебаниям: «Если к весне 1918 г. в РКП(б) числилось около 300 тыс. человек, то летом на территории Советской республики осталось примерно 150 тыс. То же самое происходит в следующем году. В марте 1919 г. в партии было 313 тыс. человек, к осени – в 2 раза меньше» [20, с. 55]. Добавим к этому мобилизации коммунистов на фронты Гражданской войны, и тогда станет понятным, что партийных кадров просто не хватало для установления полного политического контроля на местах.

Кроме того, на протяжении 1917–1920 гг. происходило непрерывное увеличение численности Советов всех уровней, причем количество Советов росло опережающими темпами по сравнению с ростом числа коммунистов в них. Так, если с октября 1917 г. по июль 1918 г. коммунисты составляли 43,4% (1558 чел.) от общего количества членов губернских и уездных съездов Советов РСФСР (3593 чел.), то в январе–октябре 1919 г. – лишь 42,9% (4492 чел.) от общего количества членов советских съездов РСФСР (10459 чел.). Конечно, нельзя не отметить и происходившее одновременно сокращение числа депутатов от других партий – с 24,6% в первой половине 1918 года до 2,4% к осени 1919 г. [4, 1919, № 11, с. 2]. Но важно здесь другое – «банкротство» антибольшевистских сил еще не означало торжества самих большевиков в местных советских органах, а значит, и не позволяло полностью контролировать и направлять их деятельность.

Таким образом, в 1917–1920 гг. в результате стремительного роста числа Советов произошло оформление новой, советской системы управления. Однако ее элементы представляли собой не столько звенья одной цепи, сколько «локальные миры», отличавшиеся большим разнообразием внутреннего устройства и функций, не своевременно и не в полной мере выполнявшие распоряжения вышестоящих властей. Рыхлая, плохо струк-

турированная система Советов была ненадежной базой для решения выдвинутых большевиками задач в области государственного управления.

Сделав ставку на Советы и закрепив их ведущую роль в Конституции, большевики уже не могли отбросить советскую конструкцию так легко, как они отказались, например, от «буржуазных» земств. Единственным для них вариантом было выстраивание новой – партийной – вертикали власти, осуществляющей контроль над местными Советами. Впрочем, годы Гражданской войны и «военного коммунизма» оказались для этого не вполне подходящим временем. Руководство

большевистской партии и государства, занятое прежде всего военными вопросами и попытками наладить экономическую жизнь страны, смогло лишь очертить, да и то не в полной мере, новые идеологические рамки, в которых предстояло существовать Советам. Это означало, что после окончания Гражданской войны политика большевиков по установлению своего контроля над Советами не могла измениться. Напротив, в условиях высвобождения партийных сил и роста социальной напряженности на местах борьба за установление единых норм и принципов функционирования советской системы должна была получить новые импульсы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Богданов А. А.* Вопросы социализма: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1990. 477 с.
2. *Веселовский Б. Б.* Самоуправление на рубеже новой жизни // Земское дело. Март 1917. № 5–6.
3. Вестник Комиссариата внутренних дел. 1918.
4. Власть Советов. 1919, 1920.
5. *Герасименко Г. А.* Судьба демократической альтернативы в России 1917 года и роль ее лидеров // Вопросы истории. 2005. № 7.
6. *Гимпельсон Е. Г.* Из истории строительства Советов (ноябрь 1917 – июль 1918 г.). М.: Госюриздат, 1958. 180 с.
7. *Городецкий Е. Н.* Рождение советского государства. 1917–1918. Изд. 2-е. М.: Наука, 1987. 352 с.
8. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1967–1970.
9. *Мальшева Е. П.* Формирование и функционирование партийно-советской политической системы // Представительная власть в России: История и современность / Под общ. ред. Л. К. Слиски. М.: РОССПЭН, 2004. 592 с.
10. *Мальшева Е. П.* Советский опыт администрирования // Административные реформы в России: история и современность / Под общ. ред. Р. Н. Байгузина. М.: РОССПЭН, 2006. 645 с.
11. Материалы по истории революционного движения / Под ред. В. Т. Илларионова. Т. 3. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского губ. к-та РКП(б), 1922. 266 с.
12. *Миц И. И.* История Великого Октября: В 3-х томах. 2-е изд. Т. 1. Свержение самодержавия. М.: Наука, 1977. 784 с.
13. *Николаев А. Б., Поливанов О. А.* Российский парламентаризм в 1917 году // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Сб. научных статей. Вып. 1. СПб.: «Третья Россия», 1993.
14. Общество и власть. Российская провинция (по материалам нижегородских архивов). Том 1. 1917 – середина 30-х годов. / Сост. А. А. Кулаков и др. М.: ИРИ РАН, 2002. 640 с.
15. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 152. Оп. 4. Д. 165.
16. *Пионтковский С. А.* Октябрьская революция в России, ее предпосылки и ход. Популярно-исторический очерк. М.–Пг.: Госиздат, 1923. 126 с.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 2. Д. 896.
18. *Соборнов П. Е.* Структура управления и общественно-политические организации Нижегородской губернии в марте – октябре 1917 года: проблемы формирования и взаимоотношений. Автореф. ... к.и.н. Н. Новгород, 2006. 28 с.
19. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ). 1918. № 67.

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

20. *Спирин Л. М.* Российская коммунистическая партия (большевиков) в годы гражданской войны и интервенции (Историография. 1957–1972 гг.) // Из истории гражданской войны и интервенции. 1917–1922 гг. Сб. статей / Отв. ред. И. И. Минц. М.: Наука, 1974. 480 с.

21. Установление Советской власти в Новгородской губернии (1917–1918 гг.). Сб. документов и материалов / Под ред. В. Брагина. Новгород: Кн. ред. газ. «Новгор. правда», 1957. 294 с.

22. *Чистиков А. Н.* Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов. СПб.: Европейский дом, 2007. 294 с.

23. *Шаханов Н.* 1917-й год во Владимирской губернии. Хроника событий. Владимир: Призыв, 1927. 139 с.